

Акилова Юлия Александровна

[ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ "ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ" В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Е. А. БОРАТЫНСКОГО](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/12/49.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2011. № 12 (55). С. 142-144. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/12/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/29

Юлия Александровна Акилова

Мичуринский государственный педагогический институт

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ «ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ» В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Е. А. БОРАТЫНСКОГО[©]

Евгений Боратынский вошел в русскую литературу в 1819 году. В это время ведущие позиции завоевывал романтизм, но при этом «легкая поэзия» все еще пользовалась популярностью. Интерес к «легкой поэзии» был обусловлен не только жанровым ее многообразием (пастораль, антологическое стихотворение, идиллия, послание, элегия, эпиграмма и др.) и тематикой, ставящей во главу угла воспевание простых человеческих радостей, но и той идейной системой, которая привлекала внимание многих поэтов. Речь идет о глубоком гуманизме этой поэзии, выражающемся в протесте против угнетения человеческой личности, в защите духовных ценностей, в отстаивании права на независимость и свободу, на земные наслаждения.

Становление и развитие идейной и стилистической системы «легкой поэзии» во многом является заслугой Константина Николаевича Батюшкова, по праву считающегося одним из ее основоположников. Именно с его «легкой» руки сам термин и укоренился в отечественной словесности. В своей знаменитой «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) Константин Батюшков указывает на те черты, которые должны отличать эту жанровую разновидность: «В легком роде поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слого, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях < ... > Красивость в слого здесь нужна необходимо и ничем заменить не может» [2, с. 11].

К. Н. Батюшков обращает внимание на давние традиции бытования «легкой поэзии» в русской литературе: «Стихотворная повесть Богдановича, первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем, ознаменованный истинным и великим талантом; остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева < ... >; басни Хемницера и оригинальные басни Крылова, < ... > стихотворения Карамзина, исполненные чувства, образец ясности и стройности мыслей; горацянские оды Капниста, вдохновенные страстью песни Нелединского, прекрасные подражания древним Мерзлякова, баллады Жуковского сияющие воображением» [Там же, с. 12].

«Легкая поэзия» была неоднозначным явлением в русской литературе: кажущаяся простота, проявляющаяся в культе наслаждения, скрывала за собой философскую глубину. В этой поэзии переплелись гедонизм и эвдемонизм, телесное и духовное.

Гедонизм, как этическое учение, уходит корнями в глубокую древность. Родоначальником гедонизма принято считать древнегреческого философа Аристиппа (435-355 до н.э.). Именно он основал школу киренаиков (гедонистов), которые утверждали, что наслаждение является высшим благом и целью жизни.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в учении Эпикура (341-270 до н.э.). Его учение чаще называют эвдемонизмом, чем гедонизмом, поскольку Эпикур делал акцент не на чувственных удовольствиях, а на удовольствиях души. Философ утверждал, что высшим благом является состояние атараксии. Занятия философией, как и дружба, способствуют, по словам Эпикура, достижению безмятежности души. Философ утверждал, что источником длительного наслаждения могут быть только духовные блага - дружба и знание.

Евгений Абрамович Боратынский, находясь на стадии своего творческого становления, не мог не подпасть под обаяние «легкой поэзии». Однако, учитывая опыт отечественных и зарубежных предшественников (Г. А. Шолье, Ж. Б. Грессе, А.-М. Шенье, Ш.-Ю. Мильвуа, Э. Д. Парни), он изначально проявил свою оригинальность: имея образец, не стремился создать похожее, но свое, индивидуальное.

Привычный для гедонизма культ наслаждения переосмысливается поэтом, наполняется философским смыслом. Произведения «К<рыло>ву» (1820), «Добрый совет» (1821), «Большой» (1821) отражают традиции *poesie legere*, но при этом тема смерти является в них лейтмотивной. В стихотворении «К<рыло>ву» (1820) упоминание о смерти содержится буквально в первых же строках стихотворения:

Дана на время юность нам;

До рокового новоселья

Пожить не худо для веселья... [1, с. 68].

И хотя погребальные настроения спрятаны за шуткой, но концовка уже не так безоблачна, напротив, содержит серьезные размышления о хрупкости счастья, да и о жизни как таковой:

Еще полна, друг милый мой,

Пред нами чаша жизни сладкой;

Но смерть, быть может, сей же час

Ее с насмешкой опрокинет -

И мигом в сердце кровь остынет,

И дом подземный скроет нас! [Там же].

Стихотворение «Добрый совет» (1821) является, пожалуй, одним из самых ярких примеров эпикурейских настроений в лирике поэта. Все стихотворение проникнуто оптимизмом, наслаждением каждой минутой, прославлением радостей жизни:

Живи смелей, товарищ мой,
Разнообразь досуг шутивный!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаем и хвалой! [Там же, с. 83].

Поэтические строки исполнены динамики, которая достигается за счет введения в текст семи глаголов: живи, разнообразь, люби, мечтай, пируй, пой, пренебреги. Поэт как бы торопит современников насладиться каждой секундой жизни, так как она непостоянна и изменчива.

Казалось бы, в этом контексте присутствие темы смерти неуместно, но для Евгения Боратынского она играет роль важного ценностного ориентира: воспоминание о смерти помогает лирическому герою выстраивать свою жизнь, в которой нет места «жажде славы», «шумным победам»:

О, как безумна жажда славы!
Равно исчезнут в бездне лет
И годы шумные побед,
И миг незнаемый забавы!
Всех смертных ждет судьба одна:
Всех чередом поглотит Лета... [Там же].

Ведь погоня за призрачным счастьем, понимаемым как достижение славы или удовлетворение прочих честолюбивых, но суетных помыслов, лишает человека времени, которое он мог бы потратить на наслаждение жизнью.

Несколько иные смысловые оттенки содержит стихотворение «Больной» (1821). Перед нами предсмертный монолог лирического героя, вспоминающего счастливые минуты своей жизни и понимающего, что, быть может, ему осталось жить считанные часы. Тема смерти звучит здесь наиболее отчетливо. Но любовь к жизни и ее наслаждениям помогает лирическому герою преодолеть уныние и страх смерти. Он призывает друзей повеселиться «до новоселья»:

Что нужды! До новоселья
Поживем и пошалим... [Там же, с. 80].

Не случайно тема смерти присутствует в таких жизнеутверждающих стихотворениях. Поэт, предаваясь радостям жизни, не может забыть о том, что все эти радости временны, эфемерны.

Таким образом, уже в самых ранних стихотворениях мы видим истинную сущность поэта. Отдавая дань моде, поэт все-таки остается самим собой: ему внутренне чужд культ наслаждения, ничего не дающий душе. Поэт чувствует свое особое предназначение и понимает, что его счастье не может быть тождественно счастью обывателей. Именно поэтому в стихотворениях раннего периода встречаются такие строки:

С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно уповань
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне [Там же, с. 66].
Но я безрадостно с друзьями радость пел-
Восторги их мне чужды были.
Того не приобрести, что сердцем не дано... [Там же, с. 75].

В раннем творчестве Евгения Боратынского эвдемонистические мотивы появляются одновременно с гедонистическими. Уже в произведении «Отрывки из поэмы «Воспоминания»» (1819) наблюдается переосмысление гедонистических мотивов. Удовольствия души, являющиеся ключевыми для эвдемонизма, берутся за основу поэтом, который находит свое счастье в «отрадной тишине» родного края:

Там счастье я найду в отрадной тишине
Не нужны почести, не нужно злато мне;
Отдайте прадедов мне скромную обитель... [Там же, с. 64].

Поэт отказывается от суетного счастья во имя спокойной, уединенной, мирной жизни. Тот же мотив, по сути, проходит через стихотворение «Где ты, беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой...» (1820):

Блажен, кто легкою рукою
Весной умел срывать весенние цветы
И в мире жил с самим собою;
Кто без уныния глубоко жизнь постиг
И, равнодушием богатый,
За царство не отдаст покоя сладкий миг
И наслажденья миг крылатый... [Там же, с. 69].

«Чистые радости души» - вот что является, по глубокому убеждению поэта, основой истинного счастья. Гармония с самим собой, понимание сути своего предназначения, умение с достоинством выстоять под ударами судьбы - все это, безусловно, помогает поэту ощутить подлинную радость бытия:

Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел [Там же, с. 115].

В связи с этим поэт отводит особую роль страданию, обновляющему, очищающему душу и приносящему духовную, светлую радость:

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытай его, нельзя понять и счастья:
Живой источник сладострастья
Дарован в нем его сынам [Там же, с. 132].

Евгений Боратынский называет страданье «источником сладострастья», ориентируясь, прежде всего, на христианскую мораль, согласно которой страданье - это милость Бога, посланная с целью испытания. Приятие и перенесение страдания со смирением в сердце, с радостью, без ропота является мученичеством. Поэт подтверждает своим творчеством естественность такого выбора, так как душа человека изначально стремится к «небесному отечеству»:

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!.. [Там же, с. 77].

Евгений Абрамович Боратынский внес весомый вклад в развитие «легкой поэзии», усложнив и пересмыслив ее исходное содержание. Эвдемонистические мотивы практически сразу же завоевали доминирующие позиции в ранней лирике поэта, вытеснив гедонизм на задний план. Это обусловлено тем, что поэту не нужно наслаждение, сотканное из сиюминутных удовольствий, так как он стремится к счастью длительному, которое стало бы основой его жизни. Именно поэтому поэт ищет подлинное счастье прежде всего на духовных путях. А эвдемонизм стал своего рода переходным звеном к христианству. Таким образом, поиски счастья в творчестве Е. А. Боратынского выходят на религиозную стезю.

Список литературы

1. **Баратынский Е. А.** Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 462 с.
2. **Батюшков К. Н.** Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанная при вступлении в «Общество любителей русской словесности» в Москве июля... 1816 // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 8-19.

УДК 811.111-26

Ирина Валерьевна Гвоздюк, Юлия Анатольевна Мартынова
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

СОЧЕТАЕМОСТЬ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГЛАГОЛА *FEEL* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Настоящая работа посвящена рассмотрению функционирования английского глагола *feel* и анализу его сочетаемости и синтаксических функций.

Структурные закономерности построения речи и текста, а также системность синтаксических компонентов высказывания и отношений между ними постоянно вызывают интерес исследователей. Несмотря на большое количество работ, посвященных семантике и функционированию различных глаголов [2; 4; 6], сосредоточение на отдельной лексеме и ее подробный анализ позволяет выявить новые детали, проливающие свет на систему в целом.

Выбор для исследования именно этого глагола обусловлен рядом причин. Глагол *feel* принадлежит к числу наиболее употребительных слов в английском языке, поэтому изучение его поведения в разнообразных контекстах, выявление частотности употребления его форм представляет несомненный интерес для исследователя.

Изучению функционирования слова в системе языка посвящены тысячи страниц, тем не менее, прежде чем перейти к рассмотрению конкретного объекта нашего анализа, необходимо кратко остановиться на некоторых теоретических вопросах.